

© 1995 г. Д.И. ЭДЕЛЬМАН

ЕЩЕ РАЗ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ В ИСТОРИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о взаимодействии различных языковых уровней в истории иранских языков обсуждался нами в свое время в связи с сравнительно-историческим изучением их морфологии, когда выяснилось, что, вопреки традиционному представлению, морфологические трансформации в этих языках стимулировались не фонетическими явлениями (включая место ударения в слове), а изменениями содержательной стороны языка. В частности, главной причиной "сворачивания" древней именной флективной парадигмы оказалась не безударность падежных окончаний (они не во всех случаях бывали безударными), а развитие новой грамматической системы, в которой те же (и новые) "падежные" значения имен передавались иными — неморфологическими — средствами (синтаксическими, лексическими). Это делало падежные окончания если не избыточными, то факультативными. Фонетика лишь закрепляла результаты морфологических трансформаций, "убирая" поочередно окончания, становившиеся "избыточными" (но сохраняя в течение более длительного времени те окончания, которые, при равном и даже менее "выгодном" фонетическом облике и положении, имели более "весомую" информативную нагрузку). Имеется также много примеров воздействия синтаксических структур на морфологию и фонологию (и — через их посредство — на фонетику).

Таким образом основная причинно-следственная цепочка диахронических трансформаций — от содержательной стороны языка через лексику и синтаксис к морфологии и далее к фонологии и фонетике (при наличии лишь частных изменений с обратной стимуляцией) — для иранских языков очертилась весьма отчетливо (подробнее см. [Эдельман 1986: 207—208; 1987а; 1988: 54—61; 1990: 257—260]).

Сравнительно-исторический анализ лексики иранских языков дает дополнительный существенный материал для изучения взаимоотношения их языковых уровней в синхронном состоянии и в диахронии. При этом воздействие содержательной стороны и взаимодействие уровней оказывается заметно неодинаковым даже в разные периоды истории одного языка; тем более разнообразно оно в истории целой языковой семьи.

Очевидно, что в ходе анализа взаимоотношения лексического уровня с другими уровнями языковой системы, особенно в диахронии, следует сразу разграничить два аспекта проблемы: методический (т.е. учет исследователем в ходе анализа лексики результатов анализа других языковых уровней) и собственно системный (т.е. взаимоотношение уровней в самой языковой системе).

В методическом отношении определяющим является тот факт, что лексический уровень представлен наиболее открытой, подвижной и наименее "жестко структурированной" системой (в сравнении с системами других уровней). Поэтому сравнительно-исторический анализ лексики семьи языков и особенно реконст-

рукция праязыковой лексики подразумевают использование в качестве структурной и материальной базы результаты сравнительно-исторического анализа и реконструкции других языковых уровней, представленных относительно более "закрытыми" и "жесткими" системами, т.е. фонетики, фонологии (и морфонологии), морфологии и отчасти синтаксиса. Без опоры на них отождествление слова как единицы лексической системы в синхронии, а также этимологические поиски, сопоставления и определение структурного и материального облика прототипа того или иного слова или словоформы попросту невозможны.

Изучение взаимоотношений лексического уровня с другими в самой языковой системе в иранских языках и в их истории показывает, что эти отношения заметно различались в разные периоды и были зависимы как от отражавшихся в том или ином языке различных содержательных категорий (и от изменений содержательного плана), так и от структуры языка (и от изменений в плане выражения).

Рассмотрим соотношение лексического уровня с другими в общеиранском праязыковом состоянии, каким оно реконструируется методикой сравнительно-исторического исследования (на разных языковых уровнях), с учетом историко-типологической интерпретации результатов реконструкции.

Общеиранская языковая система в структурном плане характеризовалась, как известно, унаследованным от более ранней эпохи сложным морфологическим строем — с богатой и развитой флективной парадигмой имени и глагола, с трехчленным противопоставлением по числу (единственное, двойственное, множественное). Именная подсистема характеризовалась тремя родами (мужской, женский, средний), многопадежным склонением — с вариантами, зависящими от типа именной основы, с особой парадигмой местоименного словоизменения. Глагольная подсистема известна также сложной словоизменительной парадигмой. Здесь прослеживаются три основных типа видо-временных основ, выражавших соответственно: действие в процессе, длительное, многократное (основы презенса) ~ точечное или завершенное (основы аориста) ~ результативное действие или состояние (основы перфекта). Еще сохранялись две серии окончаний — "первичных" и "вторичных", выражавших в индикативе временную соотношенность действия (в косвенных наклонениях "вторичные" окончания выступали как вневременные), а также серии "активных" и "медиальных" окончаний, выражавших версионные и другие характеристики действия или состояния. Сохранялся аугмент, маркировавший отнесение глагола в индикативе к прошедшему времени. Прослеживается пять наклонений. Морфологическая система дополнялась системой морфологических чередований. Синтаксис был еще относительно свободным (хотя и с тяготением нейтрального построения к порядку SOV).

Этот период характеризуется определенными чертами и в плане содержания. Так, сохранялось (возможно, остаточное) доиранское членение глаголов и имен на определенные семантические классы и подклассы. В глаголе продолжали существовать классы, выражавшие центробежное действие / центростремительное действие и состояние, что отражалось до некоторой степени оппозицией парадигм — активной / медиальной; возможно, сохранялись также рудименты более древней оппозиции активных / стативных глаголов и обозначений действия / состояния (подробнее см. [Елизаренкова 1960: 120—147; Макаев 1977: 50, 56—57; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 293 и сл.]). В именной классификации существенным было противопоставление существительных по роду и одушевленности / неодушевленности (из более ранней активности / инактивности), что отражалось в именной падежной парадигме и в выражении множественности обозначений одушевленных / неодушевленных объектов (ср., в частности, выражение множественности

имен ср. рода как собирательности, с глаголом в ед. числе, сохраняемое еще в языке Авесты, см. [Reichelt 1909:300—301]), подробнее см. [Bartholomae 1895:113 и сл.]. Имелись и более частные семантические подклассы (например, каузативные и интенсивные глаголы, термины родства, имена деятеля и орудия, различные серии указательных местоимений и т.п.), характеризовавшиеся определенными словообразовательными, морфологическими и морфонологическими средствами. Таким образом, все эти классы и подклассы были значимы как для лексического уровня, так и для морфологического (и фонологического) и синтаксического.

Реконструируются и определенные грамматические значения, важные в содержательном плане, передававшиеся оппозициями морфологических форм и присущие определенным лексико-грамматическим классам слов. Например, в глаголе ведущая роль оппозиции трех типов основ (презентной, аористной и перфектной), употребляемых в сочетании с двумя основными типами окончаний ("первичными" и "вторичными"), свидетельствует о существенности в предшествовавшую эпоху отражения в этой категории лексики значения способа действия (соответственно его продолженности, точности и результативности), при том, что обозначение времени было вторичным.

В структурном плане для общеиранского состояния еще было важным сохранение (от индоевропейского и общеарийского состояний) различия между основной и корнем слова. Корень являлся центральным элементом слово- и формообразования. Будучи представлены различными (в фонологическом аспекте) последовательностями фонем, корни выступали в определенных формообразующих (в морфологическом аспекте) и словообразующих (в лексическом аспекте) последовательностях морфем (ср. **dāraǰanti* "[они] держат" из корня **dar-* с подъемом огласовки, суффиксом интенсификации и каузатива **-aǰa-*, окончанием 3 л. мн. ч. **-nti*, и **pati-drām* "местопребывание" в акк. ж.р. — из **pati-* + именная основа, образованная от того же корня, и окончание акк. ед. ч. жен. рода).

При этом этимологически часть корней продолжала "первичные", "истинные" архаичные корни раннеиндоевропейского состояния, характеризовавшиеся определенным фонологическим составом и определенными фонетическими презентациями, в зависимости от позиции и от лексического статуса содержащего их слова (подробнее см. [Бенвенист 1955; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 215 и сл.]). Другая часть корней восходила к разновременным индоевропейским, общеарийским и индоиранским образованиям с ранними распространителями и ранними и поздними аффиксами — при утрате последними продуктивности (так называемые "мнимые", или "квази-корни", как и в древнеиндийском языке, см. [Зализняк 1975: 59 и сл.; Елизаренкова 1982: 127 и сл.]).

К числу первых в общеиранском относились, в основном, корни с унаследованной ранне-и.-е. структурой *CVC-*, например, **tak-* "течь, идти" < и.-е. **tekʷ-* [Pokorny 1959: 1059], или **gau-* "корова; бык" < и.-е. **gʷou-* [Pokorny 1959: 482].

К числу вторых — вторичные, но достаточно ранние образования, в которых первичный корень практически уже не вычленим: ср., например, **snaig-* : *snig-* "снег; идти снегу" < и.-е. **sneigʷh-* [Pokorny 1959: 974; ср. Семереньи 1980: 148]. Сюда же входят и более поздние образования, в которых ранне-и.-е. корень просматривается относительно однозначно, например, **skand-* : *skad-* "ломать(ся), разбивать(ся)" из и.-е. **(s)k(h)end-*, *(s)k(h)ed-* с распространителями и возможным инфиксом **-n-* из и.-е. **sek-* "резать" [Pokorny 1959: 918—919], или общеир. корни на **-š* из "вторичных" и.-е. образований с распространителем **-eu* и суффиксом **-s-*: общеир. **brauš-* "ломать(ся), разбивать(ся)" из и.-е. **bhr-eu-s-* от "первичного" корня **bher-* [Pokorny 1959: 133, 171], общеир. **grauš-* "кусать, жалить" из и.-е. **gʷr-*

eu-s- "кусать" от "первичного" **g^wer-* "глотать" (ср. **g^wr-ēu-gh-*, **g^wrū-gh-* "кусать" [Pokorny 1959: 474, 485]) и т.п.

Число "вторичных" корней в общеиранском состоянии достаточно велико. Отнесение их к разряду именно корней подтверждается их участием в таких слово- и формообразовательных структурах, которые обычно образуются от корня, а также их закономерными морфонологическими вариантами (аргументацию см. [Зализняк 1975]).

Для нас в этой системе существенно то, что общеиранские корни (первичные и вторичные) вычленились из слова в качестве его "стержня" — носителя центральной семантики, абстрагированной в той или иной мере от значения конкретных слов и форм (т.е. в реконструкции — семантика корней находилась как бы над конкретным значением глагольных или именных основ и словоформ). Тем самым корень не был связан напрямую с морфологическим уровнем.

В то же время образованные от корней основы, представлявшие некую конкретную базу для формо- и словообразования, уже совмещали семантическую и грамматическую информацию, указывая, помимо основной семантики, также на принадлежность слова к подсистемам имени, глагола или "частиц" (в широком понимании этого термина, включая наречия, превербы, предлоги и пр.), определяя внутри этих подсистем классы и подклассы, — как ориентированные на содержательную сторону языка, так и словоизменяемые (например, различающие типы склонения имен). Последние могли отражать и чисто формальные — во всяком случае, для данной эпохи — различия, такие как, например, тематические и атематические типы словоизменения.

Служа центром конкретных словоформ, основы несли не только основную семантическую нагрузку (включая, кроме конкретного словарного значения, и такие семы, как род существительного или переходность / непереходность, каузативность глагола и т.п.), но и некую периферийную семантическую информацию (например, модальную оценку в уменьшительных, сравнительных и пр. именных образованиях, интенсивность действия в глаголе), а также грамматические значения (например, род в прилагательном, модальность в глагольных словоформах). Тем самым, тип основ был существенным и в лексическом аспекте (семантике и словообразовании), и в грамматическом (поскольку он предопределял их сочетаемость с определенным типом флексии).

Сохраняющиеся еще в этот период формальные классы основ (корневые, редуцированные, аффиксальные), характеризующиеся определенным для каждого из них фонетическим видом корня, еще не утратили и некоторых лексических и грамматических значений, присущих этим классам в других древних и.-е. языках, хотя количество и роль корневых и редуцированных основ, и, следовательно, их продуктивность заметно убывают. Наиболее продуктивны в общеиранском аффиксальные основы, четко подразделявшиеся (за небольшим исключением) на именные и глагольные.

При этом если суффиксы имен несли в основном лексическую — словообразовательную — нагрузку, а их словоизменяемые функции (например, образование вторичных согласовательных форм жен. рода прилагательных по типу существительных жен. рода) имели подчиненный характер, то глагольная суффиксация носила комплексную нагрузку — лексическую и грамматическую, и не всегда мы можем провести здесь четкую грань между словообразованием и формообразованием. Например, глагольный суффикс **-ai-* (обычно в сочетании с "усилением" огласовки корня) можно уверенно считать словообразующим, поскольку он изменяет значение самого глагола: от переходного к каузативному, от "простого" к ин-

тенсивному, либо от непереходного к переходному (ср. от корня **śrau-*: **śṇau-* "слушать" ~ **śṛāu-ia-* "провозглашать, восхвалять"). В то же время суффикс **-ia-* (обычно в сочетании со "слабой" огласовкой корня) можно рассматривать и как средство словообразования непереходных глаголов, и как средство формообразования пассивных форм глагола (ср. **bara-* "нести" ~ **bṛ-ia-* "быть несомым"), хотя в общеиранском состоянии и позднее синтетические глагольные формы с этим суффиксом так и не генерализовались в регулярную парадигму пассива, в отличие от их древнеиндийских соответствий.

Тем самым в глагольной системе еще синхронного праязыкового состояния так называемые "классы" презентных основ (32 класса по Хр. Бартоломе, или соответствующие 10 классов древнеиндийской традиции), рассматриваемые традиционно в соответствующих разделах грамматики, не являлись, строго говоря, грамматическими классами, а либо представляли собой определенные модели словообразования, либо несли двойную нагрузку слово- и формообразования. При этом некоторые из них к общеиранскому состоянию были уже "пустыми", т.е. чисто формальными рудиментами более древних образований, значения которых — семантические и грамматические — были уже утрачены; часть же из них находилась в процессе "переосмысления", на что указывают их рудименты в более поздних иранских языках (см. ниже).

Функции инфикса в общеиранском (в виде вставного носового элемента, гомоганного следующему за ним согласному) неясны, однако судя по семантической нагрузке его рефлексов в некоторых языках в последующие периоды (см. ниже), он не был и в праязыке "окаменевшим рудиментом" более раннего инфикса.

Регулярная префиксация в общеиранский период в глагольной системе (как и в именной) практически отсутствовала. В глаголе имелся лишь аугмент, который оформлял индикативные формы глагола со значением действия в прошлом, т.е. выражал грамматические значения времени и модальности и явной лексической нагрузки не нес. При этом он не был здесь генерализован как обязательный показатель, в отличие от древнеиндийского языка; а его генерализация в древнеперсидском и отдельных других относится к более позднему периоду.

Так называемые "превербы", "предлоги" этого периода на деле еще не были превербами и предлогами в полном смысле этих терминов, т.е. не были ограничены предглагольной и предименной позициями. Они входили в многочисленную группу "наречий" или "частиц" (в широком смысле этого термина, включающем неизменяемые корни, основы или застывшие формы различных значимых слов с локальными, темпоральными, дейктическими и пр. значениями), не лишенных еще собственного значения и употреблявшихся в предложении в функции конкретизаторов. Эти лексические элементы, занимавшие в наиболее раннюю эпоху относительно свободное место в предложении (благодаря свободному в целом синтаксису, характерному для языков с высокоразвитой морфологией), только позднее, войдя в определенные именные и глагольные группы, сыграют огромную роль и в грамматическом строе иранских языков, и в развитии словообразования. В праязыковую эпоху они были еще более или менее самостоятельными, поэтому интерпретация их как элементов глагольной или именной словоформы была бы для того периода преждевременной. При этом не исключено синтаксическое и семантическое тяготение части из них к соотносению с определенными "полнозначными" словами: уже в языке Авесты часть таких лексических элементов употреблялась как самостоятельно (в виде наречий), так и в сочетании с глаголами, другая же часть — только в сочетании с глаголами, причем семантика глагола могла существенно изменяться. (Характерно, что в языке Авесты различные презентные

основы от одного и того же глагольного корня фиксируются часто в сочетаниях этого глагола с разными "превербами", либо одна основа фиксируется без преверба, другие — в сочетании с определенными превербами).

Существенную роль в формировании основ имени и глагола и в их функционировании при словоизменении и словообразовании играла в ту эпоху система морфонологических чередований. Например, "подъем" ступени огласовки в основе глагола (сопровожаемый во многих глаголах присоединением суффикса **-aia-*, см. выше, но в ряде глаголов — и без этого суффикса), указывающий на каузативность, переходность или интенсивность семантики глагола, как и "подъем" ступени огласовки в образовании ряда имен (ср. **ham(a)-* "лето" ~ **hāmīna-* "летний"), — можно интерпретировать как лексический прием — образования новых лексем. В то же время аналогичные перегласовки в падежной парадигме являются грамматическим средством.

Сравнительно небольшую роль в словоотождествлении играл в тот период супплетивизм основ, — главным образом, в подсистеме личных местоимений и части указательных — в противопоставлении номинатива ~ косвенных падежей. При этом если для личных местоимений этот супплетивизм к общеиранскому периоду носит уже чисто формальный характер (ср. мест. "я": ном. **āzām* ~ основа косвенных падежей **ma-*), то для указательных он неоднозначен.

Известно, что "сцепление" в единой парадигме местоимения "тот" рефлексов индоевропейских местоименных основ **so-* и **to-* (связанных в раннем индоевропейском с членением их денотатов по активности / инактивности, или одушевленности / неодушевленности) произошло относительно рано (во всяком случае оно существовало уже в индоиранском состоянии). Однако возможность объединения в рамках той или иной общей парадигмы какой-либо пары (или группы) других дейктических основ (а их реконструируется для общеиранского около шестнадцати) выглядит проблематично. Не исключено, что в разных ареалах даже относительно единого общеиранского состояния конкретная семантика разных указательных местоименных основ была не одинаковой. Вследствие этого неодинаковым или не вполне единообразным по ареалам могло быть и разбиение всего инвентаря указательных основ на семантические подгруппы, а также объединение пар (или более?) местоимений, относящихся к одной семантической подгруппе, в единую супплетивную парадигму.

Трудности выявления таких объединений усугубляются также невозможностью реконструировать полный набор падежных, родовых и числовых форм от каждой из основ. История различных иранских языков показывает весьма высокую вероятность того, что в различных праязыковых ареалах этимологически единые местоименные основы несли неодинаковый набор сем: ср., например, системы местоимений 3 л. (восходящих к указательным) и указательных местоимений в персидском, пашто и др. языках (ср. класс. перс. *u*, *vai* "он" из форм от общеир. **aça-*; *in* "этот" из **aīna-*; *ān* "тот" из **ha-* + *ana-*; пашто *day* "он" из **aīta-*; *háḡa* "тот, этот" из **ha-* с частицей **ga*; *húḡa*, *hóḡa* "тот" из **aça-* с той же частицей; шугн. *yam* "этот" из **īma-*; *yid* "тот (что возле тебя)" из **aīta-*; *yu* "тот (далекий)" из **aça-* и т.д., примеры рефлексов разных основ в восточноиранских языках см. также [Эдельман 1990: 216—229]).

Определенную содержательную нагрузку в общеиранском состоянии несли также флексия, избираемая в связи с принадлежностью слова к тем или иным морфологическим и лексическим подсистемам имени и глагола и тем самым указывавшая на эту принадлежность. Хотя внутри этих подсистем флексия несли главным образом морфологическую функцию, она, тем не менее, маркировала и

принадлежность лексемы к определенному семантическому подклассу (общеиранскому или — остаточно — доиранскому). Ср., например, общую флексию номинатива и аккузатива у имен ср. рода (из и.-е. инактивных, т.е. обозначающих семантический класс неодушевленных), при различении этих флексий у имен муж. и жен. рода (из и.-е. активных, т.е. обозначающих класс одушевленных). Ср. также соотношение глагольных окончаний актива ~ медиума с обозначениями центробежного действия ~ центростремительного действия или состояния и т.п. Кроме того, сочетания определенных типов основ с определенными типами флексий образовывали определенные же классы склонения и спряжения, а часть этих классов была в той или иной степени привязана к определенной семантической базе. Например, в именной подсистеме класс склонения имен с основами на **-tar* охватывает, как правило, термины родства и имена деятеля, причем последние значения различаются и типами склонения. Класс склонения имен на **-ā* ограничен именами жен. рода, а имен на **-a* — именами муж. и ср. рода. В глагольной подсистеме, например, сочетаемость "каузативных" основ с окончаниями актива — признак переходных, интенсивных или каузативных глаголов, а сочетаемость ряда основ с медиальными окончаниями — обычно признак непереходности (или действия для себя).

Наблюдается взаимодействие лексического уровня с синтаксическим в разных планах, одна из иллюстраций такого взаимодействия — рассмотренные выше "превербы".

В дальнейшей истории иранских языков взаимодействие уровней и его изменение происходит в контексте существенных изменений этих языков как в контентивно-типологическом, так и в структурно-типологическом планах.

В контентивном плане: происходит изменение семантической классификации "значимых" слов (глаголов и имен), выражаемой в большинстве случаев средствами не лексического (или не только лексического) уровня. Так, эти изменения трансформировали само основание семантической классификации глаголов, переориентировав их оппозицию с обозначения центробежного / центростремительного действия на выражение переходности / непереходности глагола. Новая оппозиция была ориентирована на противопоставление уже не постоянных классов (т.е. неизменных лексических активных / инактивных, или одушевленных / неодушевленных), а изменяющихся, ситуационных классов активных / пассивных актантов (т.е. класс активного актанта — субъекта действия или состояния ~ класс пассивного актанта — объекта действия). Такая оппозиция допускала возможность трансформации высказывания в активном и пассивном планах (что отражается в возможности активных и пассивных построений предложения). Эта оппозиция вызвала трансформацию всего морфолого-синтаксического строя на передачу семантического признака переходности / непереходности. Отсюда — целый ряд структурных сдвигов, включая частичную инновационную эргативизацию строя ряда иранских языков, с последующим "возвратом" части из них к номинативности (о чем будет сказано ниже).

Изменились и основания классификации именной лексики. Ведущей в подавляющем большинстве иранских языков становится оппозиция классов личности / неличности, или человека / не-человека, при том что в ряде языков сохраняется также членение по признаку рода, одушевленности / неодушевленности, а в различных ареалах (иногда спонтанно, но в ряде случаев также под воздействием субстрата) добавляются и более частные классы (например, имена отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности). Выявились также элементы ситуационной классификации, отражаемые иногда грамматическими значениями

именных форм и / или синтаксических конструкций (например, оппозиция единичного / общего, а среди единичного — определенного / неопределенного и т.п.), иногда — иными средствами (например, членение имен на ситуационные классы активный / пассивный, или субъект / объект, отражаемое в классификации глаголов на переходные / непереходные, см. выше).

Изменился лексический и грамматический статус целого ряда древних первичных "наречий", "превербов" и "частиц". Часть их утратила лексическую (и синтаксическую) самостоятельность, перейдя в разряд словообразовательных, словоизменительных элементов (префиксов) или синтаксических "прилеп" — энклитик. Немалую роль в этом процессе сыграла перестройка морфологического и синтаксического уровней.

При преобладании в древнем состоянии иранских языков общего порядка SOV (несмотря на относительно свободный синтаксис древних текстов, тяготение "нейтрального" предложения к этой модели все же прослеживается) эти элементы (обозначим их условно Adv), попадая в позиции между главными членами предложения, занимали место S-Adv-O-Adv-V. При утрате собственного конкретного значения и самостоятельного ударения и интонационного рисунка эти элементы "приклеивались" либо к имени объекта, превращаясь в предлоги и послелоги, либо к глаголу, становясь истинными превербами. Начало этого процесса прослеживается уже в древний период (см. примеры возможности двойного толкования такого "наречия" в языке Авесты: [Соколов 1979: 225—226]).

В результате появляются новые лексико-грамматические разряды — предлоги и послелоги. Превербы же обычно полностью или неполностью сращиваются с глаголом, приобретая функции словообразовательных (реже — словоизменительных) морфем.

В отдельных языках, где возобладал порядок основных членов предложения SVO, эти "наречия", попадая в позицию -V-Adv-O, могли "приклеиваться" и после глагола, образовав своеобразный класс поствербов. Это наблюдается главным образом в хорезмийском языке, причем поствербы не играют здесь такой же словообразующей роли, как превербы, а входят в разряд клитик, наряду с энклитическими местоимениями, употребляющимися в постглагольной позиции и в других иранских языках. (Подробнее о хорезмийских поствербах, энклитиках и аранжировке их цепочек при глаголе см. [Henning 1955a; 1955b], о типологической аналогии балканской "местоименной репризе" [Эдельман 1989: 337—338], об общей схеме закрепления древних "наречий" при имени и глаголе — [Эдельман 1990: 240—245, 252—253]).

В случаях же употребления "наречия" в самостоятельной позиции, особенно когда оно относилось ко всему высказыванию в целом (в иранских языках это маркируется обычно начальным положением "наречия" в предложении, перед именем субъекта), оно имело собственное ударение и / или было интонационно выделенным и сохраняло самостоятельный лексический статус собственно наречия.

Таким образом, общие синтаксические правила, а также законы фразового ударения и интонации, способствовали "расщеплению" древнего лексико-грамматического разряда "наречий", "превербов" или "частиц", и вычленению из них новых разрядов служебных слов и элементов словоформы, в том числе словообразующих.

В структурно-типологическом плане характерна общая перестройка иранских языков: их синтаксической и морфологической моделей, фонемной парадиг-

матики и синтагматики, морфонологических законов, строения словоформы [ОИТИИЯ 1975].

В результате всех этих процессов целый ряд элементов плана содержания языка, выразившихся прежде лексически, стал выражаться грамматическими средствами, и наоборот, тем самым изменилась не только система лексического уровня, но и состав слова и словоформы, внутреннее соотношение элементов конкретных словоформ, а следовательно и та лексическая информация, которая содержится в тех или иных компонентах слова. Иными словами, изменились средства выражения лексических значений и их соотношение с средствами выражения грамматических значений.

Вследствие морфемного переразложения и ряда иных морфологических и фонетических процессов в слове перестает вычленяться корень, и вся лексическая (как и основная грамматическая) информация содержится уже в основе слова или в словоформе в целом (в том числе и в аналитической форме). Так, например, ряд глаголов, выражающих состояние и изменение состояния, таких как "сидеть" и "сидиться", "стоять" и "вставать" и др., — во многих языках в формах прош. вр. имеет значение перемены состояния, т.е. "садиться", "вставать", а в формах перфекта — значение состояния, т.е. "сидеть", "стоять" (например, тадж. *šīštam* "[я] сел" ~ *šīštam* "сиджу").

Изменяется состав основы, способ ее образования и лексическая и грамматическая нагрузка ее компонентов.

Аффиксация как способ образования новых слов и основ становится еще более продуктивной.

Самым продуктивным способом остается суффиксация. Так, на каком-то историческом этапе во многих иранских языках продуктивным стало образование имен жен. рода от имен и основ муж. и ср. рода с помощью суффиксов **-ā* и **-ī*, **-čī*, распространившихся затем и на ранние имена жен. рода, обусловив их дальнейшую трансформацию по этой "генерализованной" модели (см. [Morgenstierne 1973: 95—109; Соколова 1967: 33—35, 49 и др.; Эдельман 1990: 148—169; 1994: 70—71]). При этом поскольку данный процесс затронул не только существительные, но и прилагательные (включая причастия), он служил равным образом и словообразованию, и формообразованию, т.е. и лексике, и грамматике. Ср. например, пашто *ḡwā* "корова" (из **gau-* + вторичный суффикс **-ā*) и *šnā* "зеленая, синяя" (из **axšaina-* + суф. **-ā*). Основной этимологический состав суффиксов — древние суффиксы и полнозначные слова (в именах в основном прошедшие через ступень второй части композитов, в глаголах — через ступень вспомогательного глагола или утратившего самостоятельное значение причастия).

В префиксации участвует меньшее число компонентов. В именной подсистеме она служит почти исключительно словообразованию, в глагольной — в основном словообразованию, в меньшей степени — формообразованию. Основной этимологический состав префиксов — исторические "наречия", "частицы" и "превербы" разных типов. Устанавливается постоянная префиксальная позиция частицы отрицания при глаголе и имени.

Инфиксация в подавляющем большинстве языков непродуктивна (хотя в некоторых сохраняет в течение относительно длительного времени функцию маркировки переходного глагола).

Редупликация (полная и неполная) используется как средство словообразования — обычно в экспрессивной лексике (напр., тадж. *sap-safed* "белый-пребелый", ср. *safed* "белый") и в дистрибутивных построениях, однако последние принадлежат

частично также и синтаксису (ср. тадж. *du-du* "по два" при *du* "два"; язг. *ḡow ḡaṣaḡ* — *ḡow ḡaṣaḡ* "по две девушки" при *ḡow* "два", *ḡaṣaḡ* "девушка").

Супплетивизм отмечается уже не только в подсистеме местоимений, но и в глаголе (обычно в виде образования форм настоящего и прошедших времен от этимологически разных глаголов, ср. тадж. *оу* : *omad-* "приходить" от корней **ai-* и **gam-* соответственно).

Флексия, как и прежде, четко делится на именную и глагольную, разделяя эти классы в грамматическом и лексическом аспекте.

Определенное развитие получили аналитические словообразовательные модели, обязанные своим происхождением устойчивости в какой-то период неких синтаксических конструкций с их последующей лексикализацией. Таковы, например, сращения предлогов и послелогов с личными и указательными местоимениями и с местоименными основами, превратившиеся в самостоятельные местоимения новых разрядов. Чаще всего это притяжательные местоимения (например, согд. *č'm*, пашто *zmā*, *zmā*, талыш. *čmъ* "мой" из **hača-* и основы косв. падежей личного местоимения "я"), наречные местоимения (например, шугн. *tar-û(d)* "здесь", *yûd-and* "здесь", *mî-rûyû* "по эту сторону").

К этому словообразовательному ряду примыкают так называемые сложноименные глаголы, прослеживаемые практически во всех иранских языках и представляющие собой сочетания имени и глагола, в большей или меньшей степени фразеологизированные (ср. тадж. *safed kardan* "белить", букв. "белым делать" и *gûš kardan* "слушать", букв. "ухо делать"). Об их месте в системе нет единого мнения: их относят к сложным словам (и это правомерно, поскольку часть из них входит в словари и поскольку нередко их постепенные слияния в единое "простое" слово) и к устойчивым синтаксическим сочетаниям, и к фразеологизмам (что также правомерно, поскольку неслитные компоненты многих сложноименных глаголов сохраняют собственную семантику и ведут себя на фонетическом и морфологическом уровнях как самостоятельные слова).

Обе эти трактовки охватывают — каждая — лишь по определенной части спектра спаянности этих образований. Наиболее устоявшиеся из них входят в лексический фонд и представлены в словарях, при этом число их в каждом из языков постоянно пополняется, особенно в языках, где по разным причинам ослабевает синтетическое словообразование глагола. Характерно, что последовательность компонентов — "имя + глагол" — продолжает последовательность ОВ в строении предложения, характерную для подавляющего большинства иранских языков (ср. обратный порядок компонентов сложноименных глаголов в языке кашмири дардской группы индоарийских языков, зависимый от обычного здесь порядка SVO). Подробнее о сложноименных и неполнослитных глаголах в разных языках и об их статусе см. [Расторгуева, Керимова 1964: 20 и сл.; Рубинчик 1981: 114—173; Грюнберг 1987: 111; Веретенников 1993: 19—21 и др.].

Еще более сложна лексическая и грамматическая интерпретация так называемых сложновербальных глаголов, которые в иранских языках представлены как сложнодеепричастными глаголами — сочетанием деепричастия основного глагола с глаголом-модификатором в личной или неличной форме (в основном, в таджикском языке), так и парными глаголами, где и основной глагол, и глагол-модификатор выступают в одинаковых личных или неличных формах (например, в памирских языках).

Выражают они обычно отношения: 1) версии (т.е. действия для себя ~ действия для другого, типа тадж. *naviṣṭa girift* "записал (для себя)", букв. "написав, взял"

~ *navišta dod* "записал (для кого-либо другого)", букв. "написав, дал"); 2) центро-стремительности / центробежности (т.е. направления к говорящему или от него, типа тадж. *davida omad* "прибежал", букв. "побежав, пришел" ~ *davida raft* "убежал", букв. "побежав, ушел"); 3) различных оттенков образа действия и вида, например, начала или завершения действия, его постоянства или внезапности, степени тщательности в его совершении и т.д. Сложновербальные глаголы, как и сложноименные, обладают разной степенью спаянности компонентов и разной степенью идиоматичности, однако рассматриваются обычно как устойчивые синтаксические сочетания и в словари не включаются. Детальный анализ этих глаголов в структурном и семантическом планах в таджикском языке см. [Расторгуева, Керимова 1964, 211—288]. Эти построения находят прямые аналогии в индоарийских языках и сходство со "сцеплением" глаголов в ряде других языков мира (об их функционировании в языках разных семей см., например, [Чхаидзе 1967; Антонян 1994]), и их лексический статус решается неоднозначно.

Имеются многочисленные более частные примеры взаимодействия лексического уровня с синтаксическим и морфологическим (и опосредованно — с фонетическим и фонологическим). Такими примерами, в частности, могут служить аналитические глагольные формы, возникающие при морфологизации синтаксических сочетаний и представляющие аналитическую форму единого слова как единицы лексического уровня (при возможном стяжении впоследствии в фонетически единое слово). Речь идет здесь не только о переходе в глагольную форму сочетаний, представлявших прежде сложный предикат (типа тадж. перф. *xonda-ast* "прочитал" из сочетания причастия со связкой или тадж. *xonda istoda-ast* "читает (сейчас)" из сочетания "читая-пребывая-есть", при последующих стяжениях в диалектах: *xondas*, *xonsas*, *xonsodas* и т.п.), но и о грамматикализации целых модальных оборотов (типа перс. формы буд. вр. *xâhâm xând* "прочту" из сочетания "хочу прочесть"; о других формах будущего времени из модальных оборотов с глаголом "хотеть" и об их типологическом сходстве с аналогичными балканскими см. подробнее [Эдельман 1989: 335]).

Таким образом, после "распада" праязыковой развитой флективной системы с ее относительно ясным понятием "слова" и "словоформы" изменился состав слова и функции его компонентов. А следовательно изменился и набор сем в словоформе. Иным становится и характер "внешней" структуры языков, и соотношение лексических значений с грамматическими, особенно в связи с грамматикализацией отдельных лексем и, наоборот, с лексикализацией некоторых (особенно застывших) грамматических форм. Такие "встречные" процессы подразумевают наличие в прошлом некоторых периодов, когда оппозиция тех или иных словоформ, общих в этимологическом плане, носила и грамматический, и лексический характер, т.е. соотносилась и с морфологическим (или синтаксическим), и с лексическим уровнями.

Рассмотрим с этой позиции некоторые процессы, существенные для истории иранских языков.

Как известно, большую роль в развитии всей грамматической системы подавляющего большинства иранских языков (как и индоарийских) сыграли два фактора, относящиеся к лексическому уровню: с одной стороны, членение в поздний отрезок древнеиранского периода глаголов по признаку переходности / непереходности, а с другой — отсутствие в тот период в лексической системе глагола с абстрактным значением "иметь". Об этом неоднократно писалось в литературе, здесь уместно напомнить лишь основные моменты, имеющие отношение к обсуждаемой теме.

В большинстве иранских языков (как и индоарийских) одновременно с затуханием древней флективной системы глагола и, особенно, подсистемы перфекта, развиваются аналитические обороты со значением результативности, строившиеся различно для переходных и непереходных глаголов (структурная проекция лексической классификации глаголов на синтаксис).

Конструкции с непереходными глаголами строились по модели **āzam čjuta-ahmi* "я пришедший (-ая, -ее) есмь", где лицо субъекта выражалось в глаголе связкой, а причастие согласовалось в роде, числе (и падеже субъекта — номинативе) с именем субъекта. (При этом, благодаря ведущей конструкции предложения SOV, обе части предиката — причастие и связка — тяготели к конечной позиции предложения; связка как собственно глагольный элемент ставилась после именного — причастного компонента).

Конструкции с переходными глаголами, как и в романских или германских языках, строились по типу посессивных, в которых субъект действия представал как посессор результата действия. Однако отсутствие глагола с абстрактным значением "иметь" в большинстве иранских (как и индоарийских) языков в период грамматикализации этих конструкций (а в некоторых иранских и поныне) обусловило построение данных оборотов по модели не "я то-то сделанным имею", а пассивно-посессивной **ima mana / mai karta(m) (asti)*, букв. "это [у] меня сделано // сделанное (есть)" — с факультативной связкой (согласующейся с именем объекта) и выражением субъекта именем в генитиве (или генитивной формой энклитического местоимения) в большей части языков и в инструменталисе — в части восточноиранских (как в соседних индоарийских). Причастие, во всяком случае, в большей части региона, было грамматически ориентировано на согласование с именем объекта. При этом, благодаря обычному словопорядку SOV, причастие, как и следовавшая за ним факультативная связка, тяготели к концу предложения, подлежащее (выражавшее объект) — к началу, а имя или местоимение, в особенности энклитическое (обозначавшие логический субъект) занимали второе место. (Лишь в двух языках — согдийском и хорезмийском — прослежены формы с переходными глаголами, восходящие к конструкциям "германского" типа с вспомогательным глаголом "иметь", продолжающим общеир. **dar-*. Это объясняется поздней грамматикализацией здесь данных конструкций, что подтверждается рядом других черт обоих языков, ср. [Эдельман 1990: 120, 138—139]).

Впоследствии, в связи с грамматикализацией этих конструкций и с утратой ими значения результативности (с превращением их в аналитические и затем — во многих языках — во вторичные синтетические претеритальные формы) и с выработкой новых аналогичных результативных конструкций, в большинстве иранских языков устанавливаются различные построения предложений с глаголами в прошедших временах, зависящие от принадлежности глаголов к одному из двух основных лексических классов: номинативное построение при непереходных глаголах (как и при любых глаголах в настоящем времени) и вторичное эргативное, точнее эргативообразное, — при переходных глаголах.

Развитие такой смешанной номинативно-эргативной (с преимуществом черт номинативности) типологии данных языков с последующим "возвратом" части из них к "чистой" номинативности (подробнее об этом процессе см. [Миллер 1935: 313—315; Пирейко 1968: 35 и сл.; Pirejko 1979: 487; Эдельман 1974: 24—25; 1985: 45, 48; 1990 70—72, 107—121]) наложило отпечаток на трансформацию и глагольной, и именной систем. В частности, оно закрепило формальное морфологосинтаксическое размежевание переходного и непереходного типов спряжения в прошедших временах, свойственное истории практически всех иранских языков.

В дальнейшем — при давлении парадигм прош. времен на продолжение древней флективной парадигмы наст. времени — в последней также активизируется выражение переходности / непереходности, однако здесь оно реализуется увеличением продуктивности определенных классов презентных основ. Тем самым семантическая оппозиция переходности / непереходности глагола переходит из разряда "скрытых" в разряд "явных", проявляясь не только в синтаксическом плане (т.е. в наличии в предложении явного или подразумеваемого имени объекта у переходных глаголов), или в синтактико-морфологическом (т.е. в различии построения конструкций и форм глаголов), но и в собственно лексическом — в словообразовании глагола (т.е. в использовании рефлексов разных моделей древних презентных основ и в построении новых основ переходных / непереходных глаголов по аналогии с древними основами).

Существенно, что в образовании пар переходных / непереходных глаголов используются продолжения различных древних классов презентных основ в различной их комбинации по языкам, причем различия наблюдаются даже между близкородственными языками, относящимися к единой генетической подгруппе. Это свидетельствует об относительно длительной продуктивности данных классов основ.

При этом некоторые типы презентных основ длительное время сохраняли определенные типы древних огласовок: в качестве одного из признаков переходных основ, продолжавших, в частности, древние каузативные, итеративные и интенсивные, выступала полная или продленная ступень огласовки, а в качестве одного из признаков непереходных основ, продолжавших, в частности, древние инхоативные и "пассивные", — слабая. Рефлексы этих огласовок также становятся впоследствии дополнительными маркерами переходности / непереходности глагола (ср. язг. *pərδār-* "удерживать, держать" ~ *paδir-* "удерживаться" — оба от корня **dar-*). Во многих случаях огласовки основ наст. времени проникают по аналогии и в основы прош. времени, в результате чего ряд глаголов (чаще всего — переходных) в разных языках имеет полную или даже продленную огласовку основ претерита, при том, что "правильные" основы, восходя исторически к древним причастиям на **-ta*, должны были характеризоваться слабой огласовкой.

Определенные закономерности (сформировавшиеся при взаимодействии согласных корня с гласными и согласными суффиксов и флексии) наблюдаются и в консонантизме ряда основ переходных и непереходных глаголов, представляя дополнительные свидетельства дальнего опосредствованного воздействия содержательной стороны языка и лексического уровня — через синтаксис и морфологию (и морфонологию) — на его фонетический и фонологический уровни.

В истории иранских языков наблюдаются различные случаи грамматикализации лексем и целых лексических разрядов, например, превращение древних так называемых "перфектных" причастий на **-ta* (реже на **-na*, **-ца*) в глагольные основы прош. времени — через этапы использования их в рассмотренных выше аналитических результативных конструкциях; сюда же можно отнести и историю превращения собирательных, обобщающих и абстрактных имен с суффиксами **-t/δца* и **-tā* в именные формы мн. числа и затем генерализацию рефлексов этих суффиксов как агглютинативных показателей множественности (в ряде языков — показателей мн. числа при именах класса не-человека, с последующим распространением в отдельных языках на все классы существительных).

Примеры лексикализации грамматических форм многочисленны. История становления древнеиранских "инфинитивов" известна: это имена действия, застывшие в той или иной падежной форме (см. подробнее [Benveniste 1935; Бенве-

нист 1955, 163—177]). Перестройка лексических и морфолого-синтаксических систем в более поздних иранских языках сопровождалась многими случаями подобного рода, включая явно поздние (так, например, в язгулямском языке заимствованное *bazərg* 'великий' из тадж. *buzurg* (то же) используется обычно в устойчивых оборотах в том же значении, но форма мн. числа *bəzərge* является другой лексемой — это собирательное название для мифических существ: дэвов, пери и др.).

Нередки примеры перехода слов, представляющих именные лексико-грамматические классы (части речи) из одного класса в другой. Ср., например, случаи прономинализации имен существительных в "вежливом" жанре персидского языка (*bānde* "я", букв. "раб"), ср. также последствие такого процесса в виде папшто *zān* "себя" из имени *zān* "душа, тело; жизнь" (являющегося, в свою очередь, ранним персидским заимствованием), случаи образования порядкового числительного "первый" из прилагательных со значением "передний" и мн. др.

Несколько слов следует сказать дополнительно и о взаимодействии лексического уровня с фонетическим и фонологическим. Помимо упоминавшихся уже выше явлений стяжения аналитических форм глагола (после того, как они перестали быть синтаксическими сочетаниями и стали достоянием морфологии) или изменения огласовок глагольных основ, имеется целый ряд иных примеров такого взаимодействия или фонетической маркировки тех или иных результатов лексических изменений.

Так, например, отмечаются случаи различия в фонетическом развитии между словами "обычными", нарицательными, и относящимися к ономастическому слою или сакральной сфере, при том, что последние "консервируют" более архаичное произношение или хранят фонетический облик, заимствованный из другого, более престижного языка, или отражают более "престижную" манеру произношения и т.д. Ср., например, продолжения **mitra*- "соединение, связь; договор; дружба" в древнеперсидском: *Miθra*- "Митра" — имя божества, заимствованное из иранского языка северо-западной группы (скорее всего из мидийского) или из языка Авесты, и собственное *ha-miça*- "заговор" с **-miça*-, продолжающим ту же основу с обычным здесь отражением срединной группы **-tr*- (через ступень **-θr*-) в виде *-ç*- (ср. авест. *Miθra*- "Митра" и *miθra*- "договор") [Brandenstein, Mayrhofer 1964: 133].

Зафиксированы факты различий в фонетическом развитии основы имени или глагола в изолированном слове и в составе парадигмы, где эта основа подвержена изменению по аналогии с другими членами парадигмы.

Ср., например, продолжения древнего "перфектного пассивного" причастия на **-ta* (< и.-е. **-to*) от основы **kan*- "копать, рыть": в наиболее раннюю иранскую эпоху оно должно было звучать как **kata*- / **xata*- (< арийск. **kata*- / **khata*- < и.-е. **k_ṛ-to*-, ср. др.-инд. *khātá*-). Однако уже в общеиранском состоянии эта форма лексикализовалась в значении "дом; помещение" (через этапы "выкопанное" > "землянка?"), ср. авест. *kata*- "каморка; кладовка", согд. *kt*('k), ягн. *kat*, шугн. *čid*, руш. *čod*, барт. *čöd*, язг. *kūd* "дом", кл. перс. *kad*-, *-kada* (последнее из **kata-ka*-) и т.п. Причастие же, оставаясь в сфере влияния глагола и войдя позднее в его парадигму в виде основы прош. времени финитных форм, относительно рано под воздействием основы наст. времени по диалектам "перестраивает" свою огласовку в дифтонговую — либо "слабого" дифтонга **-ən*-, либо "полного" дифтонга **-an*-, — отразившись в дальнейшем в основном в виде рефлексов **kanta*-, ср. авест. *-kanta*-, др.-перс. *kaⁿta*-, кл. перс. *kand*, шугн. *čint*, руш. *čint*, язг. *kōnt* и т.п.

Случаи последующих фонетических изменений часто отмечаются не только внутри единой грамматической парадигмы, но и в возникающих в разное время лексических парадигмах (например, в числительных, особенно первого десятка, в

личных и указательных местоимениях и т.п.), включая лексические пары, противопоставленные по роду.

Например, во вторичных образованиях существительных и прилагательных жен. рода суффиксацией **-ā*, **-ī*, **-čī* (см. выше) в ряде языков наблюдается следующая перегласовка корня или основы имен жен. рода под воздействием **ā* и **ī* суффиксов (так называемые *a*-умлаут и *i*-умлаут, о чем см. подробнее: [Соколова 1967]). Такая перегласовка становится иногда единственным формальным признаком рода имени. В условиях устойчивости таких перегласовок в некоторых восточноиранских языках возник стереотип огласовок имен жен. рода, соотносимых с определенными огласовками этимологически родственных имен муж. рода, например, в шугнанском языке муж. род *ō* ~ жен. род *ē*; муж. род *u* ~ жен. род *i* и т.д. (например, *vōrj* "конь" из **bāraka-* ~ *vērj* "кобыла" из **bāračī-*; *kud* "пёс" из **kuta-* ~ *kid* "сука" из **kuti-*, см. [Соколова 1967: 40, 42, 46, 48 и др.]). В дальнейшем этот стереотип становится морфонологическим, а также лексико-фонологическим средством образования имен жен. рода от других, охватившим и новые имена (включая заимствованные), и старые, не имевшие этих суффиксов в прошлом. Например, шугн. *nibōs*, руш. *nabūs*, барт. *nabōs*, сар. *nabus*, язг. *nabes* "внук" продолжают **napāt-s* (номинатив ед. числа муж. рода от основы **napāt-*, ср. авест. *napāt-*, др.-инд. *nāpat-*, *naptr-*, лат. *nepōs* из и.-е. **nepōt-s*), но шугн. *nibēs*, руш. *nabēs*, барт. *nabōs*, язг. *nabās* "внучка" образовано от слова "внук" поздней перегласовкой по типу *i*-умлаута, поскольку древней праформы жен. рода **napāsī* не существовало: она должна была звучать **napī-* (т.е. без срединной **-ā*- и без номинатива на **-s* из **-t + s*), ср. авест. *napī-*, др.-инд. *napī-*, *naptrī-* "внучка".

В некоторых случаях фонетические изменения могут указывать на относительную хронологию тех или иных словообразовательных (как и формообразовательных) процессов. Так, например, рефлексy древнего "инхоативного" суффикса — ир. **-sa-* < и.-е. **-skē/o-* в разных языках свидетельствуют о различной "длительности" его продуктивности. Во всяком случае в части западноиранских языков его продуктивность затухает относительно рано, и он допускает возможность метатезы, ср. кл. перс. *xusp-*, *xusb-*, бел. *waps-*, *wasp-*, *wafs-* "спать" < **x^hap-sa-* от корня **x^hap-* : *hup-* (< и.-е. **s^hep-* : *sup-*); кл. перс. *časp-*, *časb-* "прилипать, приставать" < **čap-sa-* от корня **čap-* (< и.-е. **kep-*). В то же время в отдельных восточноиранских языках продуктивность этого суффикса продолжалась относительно долго, с ним образованы некоторые основы глаголов, которые прежде — в древнюю эпоху — его не имели (ср. например, шугн. *zinōys-* "поскользнуться" из **snāja-* от корня **snā-* с поздним суффиксом *-s* из **-sa*).

Во многих случаях фонетическая реализация последовательности фонем является показателем того, представляет ли данная последовательность единое слово или словосочетание. Существенные указания в этом плане дают фонетические признаки границ слова (весьма активные во многих иранских языках и особенно существенные для анализа языков, не имеющих стабильной письменной фиксации), а также явления внутренних сандхи.

Так, например, во многих живых иранских языках анлаут маркируется на фонетическом уровне значительным усилением интенсивности артикуляции (сюда входят такие различные тенденции, как "прикрывание" начального гласного гомогранным ему согласным, интенсивность смычки у согласных, реализация глухих согласных с придыханием и др.), что помогает отличить самостоятельное слово от второй части композита. В некоторых языках последовательности фонем и морфем, которые могли бы трактоваться как слово и как словосочетание, могут иметь

определенные фонетические признаки, "уточняющие" статус непервого компонента и, следовательно, всей последовательности. Например, озвончение начального глухого согласного непервой морфемы, стяжение гласных на стыке морфем и некоторые другие явления указывают обычно на слитность компонентов — не только синтаксическую, но и лексическую, а отсутствие этих признаков — на то, что мы имеем дело с синтаксическим сочетанием. Ср., например, шугн. *cavōr* "четыре", *cēm* "глаз(а)" — *cavōr cēm* "четыре глаза", но *cavōr-zēm* "высокомерная", букв. "четыреглазая". Для бесписьменных языков такая маркировка особенно существенна.

Иногда такие явления помогают не только уточнить этимологию слова, но и выявить его принадлежность к определенному лексическому классу, что дает ценные сведения для исторической лексикологии в целом. Например, в части восточноиранских языков в отдельных именах наблюдается так называемое "неэтимологическое озвончение" начального глухого согласного. Эти имена по языкам не совпадают, однако их семантический анализ показывает, что практически почти все они относятся к классу имен так называемой "неотчуждаемой" принадлежности. Отсюда напрашивается вывод, что в предшествующий период эти имена в данных языках употреблялись с постоянным препозитивным маркером принадлежности, впоследствии отпавшим, и что этот маркер был фонетически не отдельным словом, а своего рода проклитикой. Благодаря этому именные словоформы, звучавшие постоянно со звонким анлаутом, лексикализировались в таком виде.

Независимо от того, было ли это использование проклитики-маркера принадлежности спонтанным, продолжающим древнеиранский узус употребления таких имен (ср. обычное сочетание аналогичных имен с маркером принадлежности в английском языке: *my hand, my father*), или оно было навеяно субстратным функционированием аналогичной лексики (ср. использование основ таких имен только с проклитиками принадлежности в языке бурушаски [Lorimer 1935: 133 и сл.]), отпадение "маркера" принадлежности происходило после того, как озвонченная согласная стала постоянной принадлежностью данных лексем. Ср. примеры таких слов в иранских языках: шугн., руш. *bēn*, язг. *bān* "ладонь", пашто *baṇa* "маховое перо" с этимологическим **p-* в анлауте и т.д. (материал см. также [Эдельман 1987б: 98–99]).

Таких примеров взаимодействия лексического уровня с фонетическим, фонологическим, морфологическим и синтаксическим в иранских языках множество.

Основной вывод из сказанного представляется следующим.

Система лексического уровня тесно связана (и переплетена) с системами других языковых уровней как в синхронном состоянии языка, так и в его диахронии (последнее особенно очевидно), причем в истории различных иранских языков это взаимодействие проявляется неодинаково.

В основе многих диахронических процессов здесь лежат изменения, происходившие в содержательной стороне языка. Они реализуются прежде всего в инновациях на лексическом уровне, что проявляется не только в виде образования новых лексем или изменения семантики отдельных лексем, уже имеющихся в языке, но и в виде перегруппировки унаследованных лексических множеств по новым семантическим классам, в виде смены семантических оснований членения лексем по тем или иным классам. Эти изменения стимулируют трансформацию других уровней, прежде всего — синтаксического и морфологического, а затем — опосредствовано законами аналогии — фонологического и фонетического.

Словообразование всегда "диахронично", т.е. включает слова и модели как продуктивные, действующие в синхронном состоянии языка, так и непродуктивные, представленные в архаизмах (и отчасти в инновациях); в словообразовательных

процессах на разных этапах (и в разных лексических подсистемах) могут участвовать элементы различных языковых уровней (фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического), причем степень их участия может быть различной по языкам, по эпохам в жизни одного языка и по активности в различных подсистемах единой лексической системы.

Вместе с тем воздействие других уровней языка на лексический носит ограниченный характер. К проявлениям такого воздействия относятся, например: изменение значения или формы слова, стимулируемое постоянным сочетанием этого слова с определенными другими словами в предложении (то есть воздействие синтаксического уровня), изменение морфологического облика парадигмы, трансформация грамматических значений определенных словоформ (воздействие морфологического уровня), стирание фонетических и фонологических (и морфофонологических) признаков слова и появление других (воздействие фонетического и фонологического уровня, вызывающее, например, появление омонимов или поляризацию слов) и др. Однако такие стимулы обычно вызывают изменения только в означающей стороне слова как языкового знака, то есть в его внешнем облике и структуре; воздействие же на семантику слова реализуется лишь тогда, когда к этому имеются определенные предпосылки в содержательной стороне языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонян К.В. 1994 — Результативные конструкции в современном китайском языке: Процессы грамматикализации и лексикализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Бенвенист Э. 1955 — Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Веретенников А.А. 1993 — Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984 — Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Тбилиси, 1984.
- Грюнберг А.Л. 1987 — Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
- Елизаренкова Т.Я. 1960 — Аорист в "Ригведе". М., 1960.
- Елизаренкова Т.Я. 1982 — Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Зализняк А.А. 1975 — Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Макаев Э.А. 1977 — Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Миллер Б.В. 1935 — О полистадиальности иранских языков // Академия наук академику Н.Я. Марру. М.; Л. 1935.
- ОИТИИ 1975 — Опыт историко-типологического изучения иранских языков. Т. I—II. М., 1975.
- Пирейко Л.А. 1968 — Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
- Расторгуева В.С., Керимова А.А. 1964 — Система таджикского глагола. М., 1964.
- Рубинчик Ю.А. 1981 — Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Семереньи О. 1980 — Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Соколов С.Н. 1979 — Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Соколова В.С. 1967 — Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Чхаидзе М.П. 1967 — Проблема спаренных глаголов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва; Тбилиси, 1967.
- Эдельман Д.И. 1974 — О конструкциях предложения в иранских языках // ВЯ. 1974. № 1.
- Эдельман Д.И. 1985 — О тенденциях типологического изменения (индоиранские языки) // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Эдельман Д.И. 1986 — Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.

- Эдельман Д.И. 1987а — Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание: Ежегодник 1982. М., 1987.
- Эдельман Д.И. 1987б — К выражению притяжательности в восточноиранских языках // Иранский сборник (к 75-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности проф. В.С.Расторгуевой). М., 1987.
- Эдельман Д.И. 1988 — Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // ВЯ. 1988. № 6.
- Эдельман Д.И. 1989 — Еще раз об иранско-европейских изоглоссах // Изв. АН СССР СЛЯ. 1989. Т. 48, № 4.
- Эдельман Д.И. 1990 — Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Эдельман Д.И. 1994 — Состояние и перспективы сравнительно-исторической лексикологии иранских языков // ВЯ. 1994. № 3.
- Bartholomae Chr. 1895 — Vorgeschichte der iranischen Sprachen // Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg. 1895—1901. Bd I, Abt. 1.
- Benveniste E. 1935 — Les infinitifs avestiques. P., 1935.
- Brandenstein W., Mayrhofer M. 1964 — Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Henning W.B. 1955a — The Khwarezmian language // Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955.
- Henning W.B. 1955b — The structure of the Khwarezmian verb // Asia Major. 1955. New series, V. Pt. 1.
- Lorimer D.L.R. 1935 — The Burushaski language. Vol. 1. Oslo, 1935.
- Morgenstierne G. 1973 — Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Pirejko L.A. 1979 — On the genesis of the ergative construction in Indo-Iranian // Ergativity: Towards a theory of grammatical relations. L.; N.Y.; Toronto; Sydney; San Francisco, 1979.
- Pokorny J. 1959 — Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Reichelt H. 1909 — Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.